

02 июля 2014

Фильтруй контент.

Применение закона об экстремизме в интернете становится сугубо избирательным.

Если раньше статья за экстремизм и могла кому-то показаться «не политической», а связанной исключительно с вопросами государственной безопасности, то теперь выборочность ее применения становится очевидной.

Даже наступающее летнее информационное затишье не сильно потревожила новость о подписании президентом страны закона об уголовной ответственности за призывы к экстремизму в интернете и ужесточении наказания на финансирование деятельности, признанной экстремистской. Во-первых, на фоне полученного Роскомнадзором права приравнивать все что угодно к СМИ и все что угодно блокировать принятие этого закона кажется уже не то что очевидным, а даже запоздалым.

Во-вторых, наказание за сочтенные правоохранителями экстремистские высказывания уже де-факто применяется. Начиная с известного дела блогера Саввы Терентьева, разместившего в 2007 году запись о «ментах» и осужденного по известной статье 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства... совершенные публично или с использованием средств массовой информации».

Есть примеры и относительно свежие: уголовное дело против администратора группы «ВКонтакте» в Кургане, уголовные дела в Северной Осетии, Нальчике, Дагестане о статусах в «Одноклассниках», процесс против Дмитрия Бычкова в Барнауле, обвиняемого в призывах к экстремизму за репост фотографии на своей странице в социальных сетях.

В июне глава МВД Владимир Колокольцев не без гордости отчитался депутатам о том, что число уголовных дел об экстремизме с использованием интернета в прошлом году возросло более чем в два раза, только за 2013 год за экстремистские призывы в сети сроки получили 186 человек.

По его словам, за это время удалено 7 тыс. материалов, закрыто более 500 сайтов, а сотрудники полиции непрерывно ведут мониторинг сети с целью выявления контента экстремистского характера.

По сути, подписанный закон заметно облегчает работу прокурорам и следователям: согласно предыдущему варианту законодательства об ответственности за экстремизм приходилось каждый раз доказывать в суде, что запись в социальной сети равнозначна заявлению с использованием СМИ, а репост фотографии равносителен призыву.

В отдельных случаях защите не помогала ни лингвистическая экспертиза, ни данные о посещаемости блога в качестве оценки общественной опасности преступления.

Теперь все проще: интернет — почти как СМИ, все опубликованное в нем должно быть учтено и наказано.

Если знаменитая статья 282 раньше и могла кому-то показаться «не политической», а связанной исключительно с вопросами государственной безопасности, то теперь выборочность ее применения становится очевидной.

Было ли во время «болотных волнений» хоть одно уголовное или даже административное дело против тех, кто, например, откровенно призывал разделаться с протестующими? Буквально пару недель назад профессор МГУ Александр Дугин призывал «убивать, убивать и еще раз убивать» украинцев, однако в правоохранительных органах этими высказываниями почему-то не заинтересовались.

С началом украинского безумия вопросы к специалистам по антиэкстремистскому законодательству только возросли.

http://www.gazeta.ru/comments/2014/06/30_e_6091909.shtml